

Активность словопроизводства и особенности структуры лексических единиц народного православия

Светлана Юрьевна ДУБРОВИНА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5561-8754>, e-mail: slavia2009@yandex.ru

Word-formation and peculiarities of the structure of lexical units of Folk Orthodoxy

Svetlana Y. DUBROVINA

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5561-8754>, e-mail: slavia2009@yandex.ru

Аннотация. Посвящено анализу словообразовательных особенностей лексики, выражающей идею христианства и вероучения в русском языке и его диалектах, с приоритетным вниманием к диалектной группе южнорусских тамбовских говоров. Целью исследования является выявление креативного словообразовательного потенциала исследуемой лексики, что определяет новизну подхода – анализ исходной словообразовательной базы в исторической проекции, разнообразие способов деривации, описание мотивационных семантических связей. Прослежен словообразовательный потенциал и структура диалектных единиц христианской лексики. В ходе научной разработки данных выявлена оригинальность диалектного словотворчества, проанализированы типичные словообразовательные модели в лексико-семантических группах, доказательно определено доминирующее влияние исторической старославянской и русской традиции, взаимозависимость языка и народного менталитета. Лексические реализации, ситуативное употребление которых порой представляет неожиданные контексты, свидетельствуют о самоценности изучения «религиозного» макрополя лексики в диалектном «изводе», доминантной позиции языка в формировании мировоззрения нации. Совокупность изложенных фактов доказывает чрезвычайную важность экспликации традиции вероучения в основной системе и подсистемах национального русского языка. Эмпирической базой исследования явился «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля. Массив лексических единиц, подвергнутых анализу, был сформирован из этого источника и сверен с данными других диалектных словарей, отражённых в библиографии. Ориентиром обнаружения единиц христианской лексики у В.И. Даля являлась словарная помета «нар.-церк.».

Ключевые слова: диалекты; говоры русского языка; лексика народного православия; словопроизводство; мотивационные связи; аффиксальное словообразование; бессуффиксальное сложение основ; композиты; конверсия

Для цитирования: Дубровина С.Ю. Активность словопроизводства и особенности структуры лексических единиц народного православия // Неофилология. 2020. Т. 6, № 22. С. 262-270. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-262-270

Abstract. The research is devoted to the analysis of the word formation peculiarities of the vocabulary expressing the idea of Christianity and the creed in the Russian language and its dialects, with priority attention to the dialect group of South Russian Tambov dialects. The aim of the study is to analyze the creative word-formation potential of the investigated lexicon, which defines a new approach: identifying the original derivational base in the historical projection, a variety of methods of derivation, description of motivational semantic relations. The word-formation poten-

tial and the structure of Christian vocabulary units are traced with priority attention to the dialect group of South Russian Tambov dialects. In the course of scientific development of the data the originality of dialect word-making is revealed, typical word-formation models in lexical and semantic groups are analyzed, the dominant influence of the historical old Slavic and Russian traditions and the interdependence of language and national mentality are evidently determined. Lexical realizations, the situational use of which sometimes presents unexpected contexts, demonstrates the self-value of studying the “religious” macro-field of vocabulary in the dialect “version”, and the dominant position of language in the formation of the national worldview. The facts prove the extreme importance of explication of the tradition of the creed in the main system and subsystems of the national Russian language. The basic empirical base is the “Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language” by V.I. Dal. The analyzed array of lexical units is formed from this source and compared with the data of other dialect dictionaries reflected in the bibliography. The reference point for the detection of units of Christian vocabulary by V.I. Dal was the dictionary litter “folk-church”.

Keywords: dialects; dialects of the Russian language; vocabulary of folk Orthodoxy; word production; motivational connections; affixal word formation; non-suffix addition of bases; compounds; conversion

For citation: Dubrovina S.Y. Aktivnost' slovoproizvodstva i osobennosti struktury leksicheskikh edinit narodnogo pravoslaviya [Word-formation and peculiarities of the structure of lexical units of Folk Orthodoxy]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 22, pp. 262-270. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-262-270 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Предметом настоящего исследования является лексика, выражающая идею христианства и вероучения в «простонародном» русском языке и его диалектах. Изучение номинаций, эксплицирующих в русском языке духовно-нравственные убеждения, представляется важным по ряду причин. Христианство в его православной ипостаси развило и утвердило духовные ориентиры нации; между тем терминосистема «народного православия» малоизвестна, а языковые символы традиционной этнической культуры в недавнем прошлом не могли быть предметом состоятельного изучения ввиду закрытости «церковной» темы. Существуют сложности изучения диалектов, связанные с трудоёмкостью нахождения фактов, необходимостью полевой работы и проведением системной каталогизации. Между тем разработка данного пласта лексики является актуальной, так как современное общество волнуют проблемы нравственных ценностей и духовной ориентации поколений, что отражено в публикациях учёных гуманитарных направлений и средствах массовой информации.

В отношении креативного словопроизводства наиболее продуктивным для исследуемой лексики является морфологический способ словообразования, предполагающий создание новых слов при помощи морфем.

Образование сложных слов. Для выражения христианского вероучения русский литературный язык, сложившийся под влиянием церковнославянской книжности, имеет сложносоставные греческие заимствования высокой стилевой градации. Многие из подобных слов, отмеченные ещё в «Словаре Академии Российской, изданном в 1789 г. в Санкт-Петербурге при Императорской Академии Наук, совершенно вышли из употребления или являются архаизмами: «*Архимáгир, ра, с. м.* Греческое слово в церковных книгах употребляемое, означающее главного или начального повара... *Даде ему архимáгир пищу и дары, и отпусти его.* Иер. XL»¹; «*Архитриклин, на, с. м.* Греч: церк. Учредитель пира... *Вкуси Архитриклинъ вина бывшаго от воды.* Иоа: II. 9²»]. Академическое издание 1789 г. изобилует примерами не только переводных сложносоставных образований, но и композитами со славянскими корнями, ряд которых прослеживается по всему тексту словаря: «Удобообра́щательный, -ная, -ное прил. 1. Легко в движение приводимый. 2. Красноречивый, ветийствующий... *Всяка удобообра́щательная, благолаголивая*

¹ Словарь Академии Российской. Часть I (от А до Г). В Санкт-Петербурге при Императорской Академии Наук 1789 г. С. 51.

² Там же. С. 53.

уста ветийствовать не могут»³. Сюда же относятся 'благообращение, благоуветливый, виночерпчий, вероотступимый, веропрповедник и мн. др.⁴

Сложносuffixальный механизм создания слов-композигов с помощью сложения и сложения с суффиксацией использовался ещё со времён начала славянской письменности. По мнению Г.А. Хабургаева, «...в старейших славянских рукописях сложным, двух-, а то и трехосновным является каждое 15-е слово» [1, с. 115]. В.И. Даль, создававший свой труд с намерением выработки литературного языка на основе народного, охотно заменял иностранные слова русскими, опуская «чужесловы» и «чужеречия»⁵. Стремясь расширить «корнеслов» лексической системы, он вводил в свой словарь такие сложносоставные существительные «высокого стиля», как *великопрповедыватель, великоденный, ветхозаконие, ветхозаконник*: «Ветхозатворник *црк. м.* давнишний келейный затворник. *ветхонещёрник м.* спасавшийся в пещере, придаётся к имени преп. Иоанна, апреля 19» [2, т. 1, с. 461]. В церковной лексике «высокого стиля» сложносuffixальный способ сложения основ действует обычно при создании существительных с использованием суффиксов деятеля -тель-, -ник-: *великопрповедыватель, великопрповедник, великопостник* [2, т. 1, с. 432]. В словообразовании прилагательных сложение достигается безаффиксным сращением *ветхозаветный* [2, т. 1, с. 461] или сращением с суффиксацией *великопостный*.

³ Словарь Академии Российской. Часть I (от А до Г). В Санкт-Петербурге при Императорской Академии Наук 1789 г. С. 897.

⁴ Там же. Ст. 898, 1053, 706, 1011, 993.

⁵ Искусственные образования связаны также с отказом В.И. Даля от заимствований. Об отказе от иностранных слов свидетельствует, например, множественность полисемантических производных от прилагательных «безбожий», «безбожный» при отсутствии таковых у заимствований «атеизм», «атеист». Последнее, в свою очередь, лаконично объясняется Далем через русские «тождествослова» *неверие, безверие, безбожие* [2, т. 1, с. 72]: «*Безбожие*. Воображаемое состояние кого или чего при отсутствии Бога, божества [2, т. 1, с. 145]. *Безбожеть* – лишаться веры, становиться, по делам своим, нечестивым. *Безбожник* – неверующий в Бога, отрицающий бытие Его; // ...беззаконник, нечестивец, не знающий страха Божия, живущий заведомо во зле, в грехах [2, т. 1, с. 146].

Словосложение было поддержано говорами только отчасти, так как в живой речи сложные по составу слова смотрятся искусственно и громоздко как чужие единицы речи, не реализующие активных словоизменительных возможностей языка. Определённое значение имеет и поддержание темпа бытовой (беглой) речи, характерной для диалектов. Диалектное словопроизводство избегает компрессию основ, развивая префиксально-суффиксальные типы словообразования. Известные диалектоносителям существительные, образованные безаффиксным сложением, приходят из литературного языка – *великомученик, великомученица, великопостник*. Бессuffixальное сложение полных основ малопродуктивно, но возможно в семантическом поле характеристики человека: *боговерующая, богоданная* (Тамб.), в терминах родства – *однокупельники* 'крестившиеся в одной купели' (Тамб.).

Рассмотрим состав наиболее продуктивных в сфере христианской лексики **словообразовательных типов**, обращаясь, по преимуществу, к словарю В.И. Даля, а также к аутентичным данным.

В отношении креативного словопроизводства наиболее продуктивным для исследуемой лексики является морфологический способ словообразования, предполагающий создание новых слов при помощи морфем. Для просторечной лексики веры и церкви продуктивна морфологическая деривация **за счёт аффиксации**, возникающая на базе исходных дериватов вследствие «расширения корня». Имеется словообразовательный тип существительных мужского и женского родов, а также существительных *pluralia tantum*, образованных с помощью **суффиксов** -ец, -н, -ен', -ичк, -ик, -к, -иц, -ин, -ш, -ик, мотивированных существительными одушевлёнными и неодушевлёнными: *богоносец, боженя, божничка, крестник, крёстка, крестильница, молебная, монашина, просворница, святоша, святник, смученик, служка, папертки, христосики* (лапти), *алялюшки* 'булочки из теста' (Тамб.) (дериват образован от возгласа «Аллилуйя!»), *бабинец* 'место, где стоят женщины во время службы' (Тамб.). Наличествует словообразовательный тип существительных мужского рода, образованных с суффиксами -н, -ец, -ник, мотиви-

рованных словосочетанием существительного с предлогом *без-*: *без вклада* → *безвкладный (монах)*, *без Бога* → *безбожник*, *без попов* → *беспоповцы*. К подобному типу относится и образование прилагательного *безмездный*: *без мзды* → *безмездный*.

Имеет место и **префиксальный** словообразовательный тип глаголов совершенного вида и существительных, мотивированных глаголами: *грешить* → *прогрешить*; *прогрешить* → *прогрешенница*, *просвятиться* → *просвятые*. Диалект чутко реагирует на всякое изменение смысла того или иного места, события, действия, создавая иное обозначение, подвергая деривации исходное слово. В лексиконе народного православия, наряду с литературным «крестить», имеются многочисленные приставочные образования: глаголы *о-кстить*, *с-кстить*, *пере-кстить*, *перере-о-кстить*, *о-кститься*, *пере-кститься*, *перере-кститься*; существительное *ксшенье* ‘крещение’ (Тамб.). Прибавление приставок «о», «с» к «кстить» – *окстить*, *скстить* и др. расширяет диалектный лексемный ряд, по сравнению с литературным. Дифференцирующее значение приобретает и фонетика говора. В тамбовских говорах вариативность ключевого глагола вероисповедания увеличивают фонетические варианты со взаимозаменой [к // х]: *хрищаться*, *хришусь*, *хрещишьяся*, *хрещится*, *хрещимся*, *хрищаются*: *крещение* (*крещенье*), *ксшенье* (*ксшенье*) и *хрещение*, *хрещенье*; *крещаться* и *хрищаться*, *кресты* и *хресты*, *хресцы*, *сердокрестье* и *сердохрестье*, *крестопоклонная* и *хрестопоклонная*, *хрещенский купельник* ‘крещенская прорубь’. Исходный глагол замечен только в огласовке с «к»: *кстить* (не *хстить*).

Семантика таинства крещения интегрируется с великим праздником Крещения и погружением в прорубь. Для описания Крещения в тамбовских говорах встречается фонетический вариант бесприставочного глагола *хрищаться*: «Хрищаца хаділи. Пролубы прарубяты и купались, ставили кресты [по углам проруби рисовали на льду кресты] и пели: «Во Иордани *хрищаймси* табё, Господи» (село Селезни Тамбовского района Тамбовской области).

Сходные приставочные образования от «крестить» (*кстить*) представлены в белго-

родских материалах в описании древнего обряда крещения кукушки: *ксшенье* (крещение), *перекстить* (покрестить), *кстить* (крестить), – *кукушку кстят*, *сктят*, *перекссят* ‘крестят’. «Потом перекссят её, и сколько ещё после ксшения», «Хочим, хотим мы кукушечку перекстить! Хочим, хотим на игрушечку посадить!», «Покукукай, покукукай, кукушечка, да переставай, а мы несём тебя кстить, – несуть тада её кстить по деревне, тогда называется её крещение, сктят» (село Нижние Пены Ракитянского района Белгородской области) [3, с. 32]. В Тамбовской области по отношению к обрядовым играм с кукушкой применим глагол *святить* (*кукушку святят*).

Словообразовательные ресурсы аффиксации разнятся в литературном языке, диалектах и просторечии, **создавая словообразовательную стилистику** внутри макрополя общерусской лексики веры и церкви. Закрепление того или иного суффикса на уровнях языковых подсистем (литературной, разговорной) способствует утверждению стилистических различий и создаёт богатство языка. Так, в высоком стиле литературного русского языка регулярно используются суффикс собирательных существительных среднего рода [*іj] -(е) без редукции слабого [*і], суффикс отвлечённых существительных женского рода -ость-, являющиеся историческими праславянскими средствами деривации. Ср. *смертоносие* – «и в то время, в смертоносие, архиепископ Симеон со кресты обходи всего великого Новгорода»; *смертность* – «смертность – общий удел человечества»; *смертоточивые уста* – «лукавые и вредные, губительные»; *смертный* – «лежать на смертном одре» [2, т. 4, с. 284-285]. По мнению Г.А. Хабургаева, эти суффиксы бытовали в общеславянских диалектах и были усвоены первыми переводчиками [1, с. 122]. Тем не менее, в «живой» речи они малоактивны.

Наряду с перечисленными выше способами представлено **словосложение** из двух и более мотивирующих основ, когда деривация возникает без суффиксации на основе словосочетания, представляющего сложносоставную производящую базу: *Христа ради* → *христорад*. Отмечено и словосложение с присоединением суффиксов *отступить от*

Христа → *христоотступник*; *по миру* (*ходить*) → *помирищик*, *Бог, радеть* → *Бога ради* → *богарадничать*; *Богу дело* (или *Божье дело*) → *богадельщина* со значением 'нищая братия, жители богадельни'; также *богадельничать* 'жить по богадельням'.

В отдельных случаях производящая база может увеличиваться до целого предложения; ср. *Бог дал отца* → *богоданный отец*, *Бог дал сестёр* → *богоданные сестрицы*.

В просторечии известны **суффиксальные дериваты** от названия главной книги вероучения: *библейский* и *библейный* 'относящийся к Библии'; *библейник* 'учёный-изыскатель, толкователь Библии'; *библейщина* 'содержание Библии'⁶ [2, т. 1, с. 432]. Факт наличия данных образований может служить косвенным свидетельством знания Библии в простой среде. Как показывают исторические отчёты по Тамбовской губернии, население старой России обучалось грамоте по церковнославянским книгам в приходских школах и сохраняло интерес к чтению на протяжении всей жизни, что отражалось на репертуаре народного чтения в XIX – начале XX века⁷. Офени, торгующие книгами, закупают в Москве евангелия, псалтыри, церковной и учительской литературы: «Обследование сельских библиотек конца XIX века показало, что народ берёт 50 % беллетристики, 22 % религиозно-нравственной литературы и 15 % исторической...» [4, с. 9-10].

В диалектной лексике веры и церкви также отмечена **конверсия** или «морфологосинтаксический» способ словообразования по В.В. Виноградову, означающий изменение словоизменительной парадигмы без использования словообразовательных аффиксов и транспозицию (переход из одной части речи в другую) [5]. Среди примеров изменения частеречной принадлежности возможна такая достаточно редкая трансформация, как превращение субстантивной лексики в адъективную. При этом **аннигилируется** парадигма словоизменения существительного, и оно трансформируется в несклоняемую часть речи. Например, семантика неизбежности,

заложенная в лексемах, выражающих понятие о смерти, порождает переход существительного «смерть» в наречие образа действия: «*смерть* как 'очень сильно, больно, ужасно, порато' (*Я смерть пить хочу; я смерть боюсь пчёл; смерть люблю раков и пр.*)» [2, т. 4, с. 284-286]. Причинами десемантизации и смены парадигмы могут явиться ситуативные факторы (передача сильных чувств, усиление экспрессии), как это произошло, например, с существительным *ангел*, представленным в диалектной огласовке северных говоров. В итоге изменений имя получило статус частицы: «*Анде, междом. То же, что ангели. Сёйгот весна продліця, анде какііе сосуліны. Анде ругаюца, ругаюца. Анде, за сёном поіхали. Холм. Аньде, жбонки, вод бедá-то!.. Андел Божой! междом. Онеж. Андели, междом. Для выражения крайнего удивления, восхищения, радости, испуга и других эмоций. <...>*» [6, т. 1, с. 71].

Интерес представляет существительное *быть* во фразе «*Всякая быть создана Богом*»: «*Быть* ж. бытие, существо, создание, тварь. Бытописание должно основываться на *бытях* достоверных» [2, т. 1, с. 363]. Возможно, именная форма *быть* произведена от существительного *бытие* из-за сокращения окончания среднего рода с переходом в женскую парадигму словоизменения: *бытие* → *быть*. (В данном случае допустимо и образование по непродуктивной модели: с частеречным переходом из экзистенциального глагола *быть* в существительное с потерей морфологических характеристик имени.)

Семантическая трансформация семитизмов, библеизмов. Высокую потенцию словопроизводства обнаруживают ключевые символы библейской истории, «сквозящие» по разным тематическим группам диалектной лексики. Производящими могут быть библейские имена, топонимы, возгласы. К примеру, имя *Адам* является архетипом для разных образований, возникших на его основе: *адамовы лета* 'много лет, более человеческого века' (*Адамовы лета с начала света*), *колым. адамовы веки* 'старина', *адамовщина ж., собир., арх., сиб.* 'ископаемое дерево и кости', *адамишина колым.* 'старина' [2, т. 1, с. 13].

⁶ Словарь Академии Российской. Часть I (от А до Г). В Санкт-Петербурге при Императорской Академии Наук 1789 г. С. 211.

⁷ Тамбовская губерния: Отчет по народным библиотекам за 1908 год. Тамбов, 1908. 18 с.

И эти новообразования, хотя и обнаруживают значительные модуляции формы, определяются семантикой древности, первоизданности, сохраняя синкретизм кода имени *Адам*, отношения метонимической производности с архетипом и между собой. Лексические реализации *адамовы лета*, *адамовщина*, *адамышина* являются, по терминологии Ю.С. Азарх, «историческими кодериватами», то есть параллельными образованиями с единой словопроизводственной базой и единой производящей основой. «Отношения смысловой производности у слов такого типа являются вторичными» [7, с. 183].

Ключевой лексемой, произведшей свою группу «кодериватов», является, в частности, призыв «Аллилуйя!», восходящий к др.-евр. *hallelú jah!* «хвалите Господа!». О фонетическом видоизменении «аллилуйи» в славянской народной традиции, десемантизации возгласа, его превращении «в название ритуала, группы лиц, его совершающих, ритуального предмета, ритуальной еды, костра...» писал Н.И. Толстой [8, с. 100].

Возглас может сохраниться как междометие в видоизменённом варианте – «Аллё́. = Аллё́-бисмаллё́. Межд. Возглас страдания, сожаления, близкий по смыслу к выражению *Боже мой*» [9, с. 29], но чаще в говорах происходит иная деривация. На русской почве в ходе словопроизводства от *аллилуйя!* возникают, как правило, суффиксальные дериваты «ала..., але...» с сохранением первого слога возгласа и отсечением второй части. При этом производные десемантизируются, утрачивая исходное значение восклицания, и адаптируются в системе говора, воспринимая частеречную принадлежность глаголов и имён. Приведём примеры: «Алалё́, алалу́я ж. тмб., пен. ‘взор, бред, грёзы, чепуха, бессмыслица’. Несет такую алалё́ с маслом, что уши вянут. Алалу́я от алалё́кать (!), спутали в говоре с другим словом из церковной службы нашей (аллилуйя!) и сами дивятся неприличию поговорки. Алалу́ить, говорить вздор, нести чепуху. Алалё́йка об. лалё́йка твр., ряз. картавый, нечисто произносящий буквы, особ. л вместо р. Алалё́кать (весьма схожее с нем. lallen), лалё́кать, примолаживать, картавить, мямлить, говорить с пережёвкой» [2, т. 1, с. 25]. В русских говорах повсеместно отмечены однокорневые назва-

ния печёных изделий из теста, воспринявшие форму числовой парадигмы *pluralia tantum*: «Алялюшки ж. мн. кстр. ‘род пирогов’ [2, т. 1, с. 35]. Имеются и единичные существительные: «Алякиш (алёкаш), м. твр., пен. ‘недопечённый хлеб, полусырой; мякиш» [2, т. 1, с. 35]; «Алябушка. Лепёшка. Идут, как-то алябушку горелую едят, как нишисш. ...Чё ели, чем питались – да алябушками. Алябушка – это лепёшка по-нашему. Ломь. Уинск» [9, т. 1, с. 29; говоры Южного Прикамья]. Материалы можно дополнить данными иных областных словарей.

Останавливаться на подробном рассмотрении этого процесса в рамках статьи не представляется возможным, поэтому продолжим перечисление явлений словопроизводной креативности лексики, эксплицирующей религиозные представления в русских диалектах.

Историческое словообразование, сохранившееся в неписьменной речи говоров, имело более обширные по составу гнёзда деривации, чем современное. Диалекты обнаруживают сходство с историческими формами, так как они свободны от влияния кодификации и вариативны, по сравнению с литературным языком. В особенности это касается диахронического словообразования, где количество примеров трансформации библеизмов выше. Исследователь Е. Сморгунова замечает, что в старых русских текстах XV–XVII веков слова «грех» и «каять» (*хаять*) от *Каин* имеют обширное поле дериватов. На примере произведений древности, актов, житий, а также знаменитого словаря В.И. Даля автор выводит многочисленные словоформы с архаичной семантикой, образованные по моделям с историческими суффиксами и приставками, непродуктивными ныне (суффиксы *-зн’, -ств, -л’н, -ч*; приставки *о-, по-* со значением резкой негативной модальности): *грехом* (наречие в значении ‘нечаянно, по ошибке’), *греховой*, *грехопадание*, *грехопадный*, *грехослужимый*, *грехотворно*, *грехотворный*, *грешати*, *грешитися*, *грешнич* [10, с. 47–52], *каин*, *каяти* (действие, семантически равное современному возвратному глаголу «каяться»), *покаянствие*, *покаянь*, *покаяльник*, *покаяльный*, *покаянно*, *окаивать*, *окаять* «признать изверженным, достойным проклятия», *окаianie*, *кайка*, *ка-*

янье, каета, кайка, каятины, каятельный, кайчивый, каяльщик, каяльщица, кайщик, кайщица [10, с. 56-58].

Актуализация отрицательных приставок. В народной речи актуализируются дериваты с отрицательными приставками *без-* и *не-*, занимающие своё место в поле лексики нравственных оценок: *безверие, безбожие, безбожник, непрощённый (грех), невер, безгодная (смерть), бесстыдство* и др. В различных языковых ситуациях их могут заменять экспрессивные синонимы, характерные для простой речи – *ахальник, некрить, напрасная смерть, стыдоба* и др. Положение об актуализации негативной модальности в лексике веры и церкви поддерживается наблюдениями и над другими тематическими группами лексики. Так, Т.И. Вендина, исследуя народную картину природы и мира сквозь призму словообразования, замечает, что наибольшее выражение получают «имена, относящиеся к миру антиценностей» [11, с. 26].

Возвышаясь над диалектами, литературный язык оказывает большое влияние на их состав и семантику. Диалекты обнаруживают единство с литературным языком в значениях основных концептов: «*Бессмертие*. Отсутствие духовной смерти»⁸. «*Безбожие*. Неверие в бога. *Безбожник*. Кто не верит в Бога. *Безбожий*. То же, что безбожный. *Безбожный, ая, ое*. Неверующий в Бога» [11, т. 1, с. 147-148].

В настоящей статье мы рассмотрели способы и типы словообразования, характерные для диалектной лексики веры и церкви. Интерес представляют образование слов-композиций, семантическая трансформация библеизмов, креативная семантическая деривация архетипов (Адам), актуализация отрицатель-

ных приставок в говорах, влияние литературного языка. Как правило, словообразовательные типы характеризуются единством двух тождеств: тождеством форманта (словообразовательного средства) и тождеством словообразовательного значения (семантического соотношения между производящим и производным). Уделено внимание созданию словообразовательной стилистики и историческим примерам словосложения двух и более мотивирующих основ. Обращение к материалу показало, что наиболее продуктивным для лексического континуума лексики, эксплицирующей религиозные представления в говорах, является морфологический аффиксальный способ словообразования. Анализ производных от имён *Адам, Каин* наглядно свидетельствует, что библейские агионимы имеют особый статус деривации в христианской лексике, образуя исторические кодериваты.

Обращение к данной теме выявляет фактологическую основу лексики религиозной сферы в говорах русского языка, раскрывает малоизвестные факты диалектной группы южнорусских тамбовских говоров.

Слова литературного происхождения имеют полноценную жизнь в современном диалекте. С их усвоением диалект расширил собственную лексическую базу, получив в дополнение к имеющимся единицам языка аналоги, закреплённые нормой.

Изучение креативного потенциала русской диалектной лексики как манифестанта православного вероучения выявляет взаимозависимость языка и народного менталитета. Лексические реализации, ситуативное употребление которых представляет неожиданные контексты, свидетельствуют о самооценности «религиозного» макрополя лексики в диалектном «изводе», чрезвычайной важности сохранения традиции в разных системах национального русского языка.

Список литературы

1. Хабургаев Г.А. Старославянский язык. М.: Просвещение, 1986. 288 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1: А–З. Т. 2: И–О. Т. 3: П–Р. Т. 4: С–У. М.: Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1994.
3. Журавлева Е.А. Похороны кукушки // Живая старина. 1994. № 4. С. 32-33.
4. Порохова О.Г. Полногласие и неполногласие в русском литературном языке и народных говорах / отв. ред. Р.П. Рогожникова. Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1988. 262 с.

5. Виноградов В.В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии (на материале русского и родственных языков) // Вопросы теории и истории языка: сб. ст. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 99-152.
6. АОС – Архангельский областной словарь / под ред. О.Г. Гецевой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. Вып. 1 (А – Бережок).
7. Трошина Н.Н. 2001.02.041. Азарх Ю.С. Русское именное диалектное словообразование в лингвогеографическом аспекте / РАН, Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. М.: Наука, 2000. 178 с. Библиогр.: с. 168-175 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал. 2001. № 2. С. 179-185.
8. Толстой Н.И. Аллилуйя // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 100-102.
9. Словарь русских говоров Южного Прикамья. Вып. 1 / науч. ред. И.А. Подюков. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2010. 456 с.
10. Сморгунова Е. Слова «грех» и «покаяние» в русских памятниках XV–XVII веков // Концепт греха в славянской и еврейской культурной традиции: сб. ст. Академическая серия. Вып. 5 / отв. ред. О.В. Белова. М., 2000. С. 44-71.
11. Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования: макрокосм. М.: Индик, 1998. 240 с.

References

1. Khaburgayev G.A. *Staroslavjanskij yazyk* [Old Slavonic Language]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1986. 288 p. (In Russian).
2. Dal V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, "Progress", "Univers" Publ. Group, 1994. (In Russian).
3. Zhuravleva E.A. Pokhorony kukushki [Funeral of a cuckoo]. *Zhivaya starina* [Living Old Times], 1994, no. 4, pp. 32-33. (In Russian).
4. Porokhova O.G. *Polnoglasiye i nepolnoglasiye v russkom literaturnom yazyke i narodnykh govorakh* [Full and Incomplete Agreement in the Russian Literary Language and Folk Dialects]. Leningrad, "Nauka" Publ. Leningrad Branch, 1988, 262 p. (In Russian).
5. Vinogradov V.V. Slovoobrazovaniye v ego otnoshenii k grammatike i leksikologii (na materiale russkogo i rodstvennykh yazykov) [Word formation in its relation to grammar and lexicology (based on Russian and related languages)]. *Voprosy teorii i istorii yazyka* [Issues of Theory and History of Language]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1952, pp. 99-152. (In Russian).
6. Getsova O.G. (ed.). *АОС – Архангельский областной словарь* [ARD – Archangelsk Regional Dictionary]. Moscow, Moscow University Publ., Issue 1 (А – Березжок), 1980. (In Russian).
7. Troshina N.N. 2001.02.041. Azarkh Y.S. Russkoye imennoye dialektnoye slovoobrazovaniye v lingvogeograficheskom aspekte. M.: Nauka, 2000. 178 s. Bibliogr.: s. 168-175 [2001.02.041. Azarkh Y.S. Russian nominal dialect word formation in the linguistic and geographical aspect. Moscow, Nauka Publ., 2000, 178 p. Bibliogr., pp. 168-175]. *Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 6: Yazykoznanie. Referativnyy zhurnal* [Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 6: Language Studies. Abstract Journal], 2001, no. 2, pp. 179-185. (In Russian).
8. Tolstoy N.I. Alliluyya [Hallelujah]. *Slavyanskiye drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. Moscow, International Relations Publ., 1995, vol. 1, pp. 100-102. (In Russian).
9. Podyukov I.A. *Slovar' russkikh govorov Yuzhnogo Prikam'ya* [Dictionary of Russian dialects of South Prikamye]. Perm, Perm State Pedagogical University, 2010, Issue 1, 456 p. (In Russian).
10. Smorgunova E. Slova «grekh» i «pokayaniye» v russkikh pamyatnikakh XV–XVII vekov [The words "sin" and "repentance" in Russian monuments of the 15th–17th centuries]. *Kontsept grekha v slavyanskoy i evreyskoy kul'turnoy traditsii. Akademicheskaya seriya* [The Concept of Sin in the Slavic and Jewish Cultural Tradition]. Moscow, 2000, Issue 5, pp. 44-71. (In Russian).
11. Vendina T.I. *Russkaya yazykovaya kartina mira skvoz' prizmu slovoobrazovaniya: makrokosm* [Russian Language Picture of the World Through the Prism of Word Formation: Macrocism]. Moscow, Indrik Publ., 1998, 240 p. (In Russian).

Информация об авторе

Дубровина Светлана Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: slavia2009@yandex.ru

Вклад в статью: идея исследования, анализ словарей и научной литературы, рассмотрение способов и типов словообразования, приведение исторических примеров словосложения, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5561-8754>

Поступила в редакцию 21.09.2019 г.

Поступила после рецензирования 12.11.2019 г.

Повторное рецензирование 14.01.2020 г.

Принята к публикации 11.02.2020 г.

Information about the author

Svetlana Y. Dubrovina, Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Language Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: slavia2009@yandex.ru

Contribution: study idea, dictionaries and scientific literature analysis, methods and types of word formation consideration, adduction of historical examples of word compounding, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5561-8754>

Received 21 September 2019

Reviewed 12 November 2019

Second peer review round 14 January 2020

Accepted for press 11 February 2020